

УДК 930.9

ББК 63.3(0)61

Роль внутривластного фактора в решении советского руководства об оказании помощи китайской администрации Синьцзяна в подавлении национального движения коренных народов провинции в 1931–1934 гг.*

В.А. Бармин

Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

The Role of Home-Policy Factors Influencing the Decision of the Soviet Leadership to Support the Chinese Administration of Xinjiang in Their Suppression of the National Movement of Indigenous Peoples of the Province in 1931–1934

V.A. Barmin

Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)
Altai State University (Barnaul, Russia)

Статья посвящена актуальной в научном и общественно-политическом отношении проблеме, связанной с подавлением в первой половине 30-х гг. XX в. китайскими властями Синьцзяна национального движения коренных народов этой провинции. Протест народов провинции, исповедовавших ислам, вызвали экономический грабёж, оскорбительное отношение властей к их культуре, традициям, обычаям и верованиям. Активную и всестороннюю помощь в разгроме повстанческого движения администрации региона оказало советское руководство. Автор статьи на основе источников, выявленных в центральных архивах России, приходит к выводу, что значительную роль в принятии Москвой решения об оказании китайцам помощи в подавлении национального движения сыграл внутривластный фактор. В частности сложная социально-экономическая обстановка в приграничных районах среднеазиатских советских республик, возникшая в результате начавшейся кампании коллективизации и приведшая к массовой эмиграции проживавшего здесь населения на сопредельную китайскую территорию. Кроме того, на территорию Синьцзяна ушли и влились в ряды повстанцев отряды басмачей, которые боролись против советской власти.

The article is devoted to the scientifically and politically important issue dealing with the problem of suppression of national movement of indigenous peoples in Xinjiang in the first half of the 1930-s of the 20th century, implemented by Chinese authorities. Protests of the peoples of the province professing Islam caused economic plunder, humiliating attitude of the authorities to their culture, traditions, customs and beliefs. The Soviet leadership provided the regional administration with active and comprehensive assistance in defeating the insurgency. On the basis of the sources identified in the central archives of Russia, the author makes the conclusion that the home-policy factors played a significant role in forcing Moscow to make the decision to provide Chinese national movement with aid in suppression of the rebels. In particular, one of the reasons was a difficult socio-economic situation in the border areas of the Soviet Central Asian Republics, which resulted from the collectivization campaign and led to the mass emigration of the native population to the neighboring Chinese territory. In addition, Basmachis, who had been fighting against the Soviet regime, left for Xinjiang and joined the insurgency troops.

* Статья написана при поддержке РГНФ. Проект № 15-31-12023 «Революции 1917 г. в России и „национальный вопрос“ (на примере центральноазиатских национальных окраин)».

Ключевые слова: Синьцзян, Советский Союз, басмачи, национально-освободительное движение, эмиграция, внутривластный фактор.

Key words: Xinjiang, the Soviet Union, basmachi, national liberation movement, emigration, internal political factors.

DOI 10.14258/izvasu(2016)2-03

В 1931 г. в самой крупной северо-западной провинции Китая — Синьцзяне вспыхнуло мощное национально-освободительное восстание. Причинами восстания стали обеднение основной массы населения провинции, которую представляли проживавшие здесь коренные народы, исповедовавшие ислам, и усиление национального гнета со стороны китайской колониальной администрации.

Степень и уровень взаимоотношений, которые существовали между Советским Союзом и Синьцзяном в конце 1920-х — начале 1930-х гг., исключали отсутствие внимания со стороны советского руководства в отношении хоть сколь-нибудь значимых событий, происходящих на территории провинции, тем более таких крупных, как начавшееся движение мусульманских народов. Это делает понятным то, что само восстание не стало полной неожиданностью для советских руководителей. Многочисленные аналитические записки, направляемые в адрес НКВД, других заинтересованных ведомств различными службами СССР в Синьцзяне, позволяют сделать вывод, что правительство советского государства было сравнительно хорошо информировано о надвигающихся событиях. Вместе с тем характер назревающего восстания, степень его возможного влияния на внутривластную ситуацию в приграничных районах среднеазиатских советских республик, последствия его успеха или поражения, силы, стоящие за организаторами движения, прежде всего зарубежные, требовали от Москвы глубокого анализа и очень взвешенных решений при определении своего отношения к указанным событиям. Следует также учитывать, что Советский Союз, заинтересованный в политической стабильности на своей центральноазиатской границе, в то же время должен был заботиться о сохранении своего имиджа лидера мирового революционного движения, частью которого было объявлено и национально-освободительное движение.

Надо отметить, что к периоду рассматриваемых событий советские руководители уже сталкивались с необходимостью анализа и просчитывания своего вмешательства в той или иной форме во внутривластные дела Синьцзяна. Это, в известной мере, касалось проблем, связанных с вводом частей Красной армии на территорию Синьцзяна в 1921 г., а также вызывалось необходимостью давать аргументированные отказы на периодически поступающие предложения Коминтерна об активизации революционного движения в провинции.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что обстоятельства, связанные с восстанием, были восприняты в Советском Союзе с очень большой настороженностью. В то же время рациональное мышление, которое, безусловно, возобладавало к этому моменту у большинства ключевых фигур в советском руководстве, вошло в противоречие с продолжавшей жить доктриной «экспорта революции» на почву «революционной ситуации». Активная деятельность агентов Коминтерна, направленная как раз на создание «революционной ситуации» в Синьцзяне, в данном случае явно не соответствовала государственным интересам страны.

Уже летом 1931 г. между сотрудниками Коминтерна, в той или иной мере связанными с Синьцзяном, началась оживленная переписка по поводу определения характера восстания и возможностей его перерастания в социалистическую революцию. Судя по приводившимся в переписке данным, «революционный азарт» захватил и некоторых партийных и военных руководителей в среднеазиатских республиках.

Так, в сентябре 1931 г. представитель Коминтерна в Ташкенте — Дорф сообщал в Восточный Секретариат Коминтерна: «...Хочу поделиться с вами мнением местных товарищей. Тов. Бауман (*секретарь Среднеазиатского бюро ВКП(б)*. — В.Б.) считает, что движение носит характер национально-освободительный... поэтому мы должны помочь движению, должны начать в Синьцзяне положительную революционную работу. ...Военные работники и работники ГПУ ... считают движение революционным... полагают необходимым помочь движению и довольно твердо возражают против помощи китайцам в подавлении восстания. ...Аргументация НКВД искажает действительное положение вещей и дает заведомо неправильную оценку движению» [1, л. 31–38].

Примерно в это же время Восточным Секретариатом Коминтерна была направлена в политкомиссию Коминтерна записка о том, что он «...считает своевременным поставить вопрос о развертывании революционной работы и организации народно-революционных партий, опирающихся на крестьянство и трудящихся города в провинциях Синьцзян и Ганьсу». Однако эта записка не имела последствий, а содержащиеся в ней предложения не нашли поддержки у руководителей СССР [1, л. 9]. Более того, была еще раз подтверждена четко обозначенная во второй половине 1920-х гг. позиция, направленная на отказ от поддержки «...каких бы то ни было авантюристических

выступлений» панисламистски и панмонгольски настроенных элементов [2, л. 128].

Вместе с тем отказ от вмешательства во внутренние дела Синьцзяна в условиях разворачивающегося восстания не означал перехода советской дипломатии в этом регионе на позиции пассивного наблюдения. Это было невозможно хотя бы потому, что с первых дней восстания начались попытки многочисленных зарубежных сил использовать его в своих целях. Материальную, военно-техническую и инструкторскую помощь восставшим осуществляли англичане и японцы. Свое влияние на развитие событий пытались оказывать Турция и ряд арабских стран. Это было настолько очевидным, что западная пресса того времени писала об этом как о явлении само собой разумеющемся.

Так, американский еженедельник «Нью Рипаблик» в 1934 г. в статье, посвященной положению в Синьцзяне, отмечал: «Считают установленным, что японцы посылают деньги и оружие мусульманским северным племенам. Что же касается южных мусульман, то на основании веских данных выдвинуто обвинение, что южные повстанцы вооружены британскими винтовками и получают непосредственные директивы от английских агентов в Кашгаре» [3, л. 15]. В статье китайского журналиста Мын Чанюна, которая была опубликована в еще одном еженедельнике США — «Чайна уикли ревью», отмечалось, что за событиями в Синьцзяне стоят англичане и японцы, причем японцы намерены «...организовать там государство по типу Маньчжоу-Го» [3, л. 27]. Французская газета «Эр Нувель» в публикации от 8 апреля 1934 г. также делала вывод, что инсценировка «пантюкистского движения» в Синьцзяне — результат деятельности «британских и японских агентов» [3, л. 35].

Английская «Дейли Геральд», в общем признавая возросшую активность Англии и Японии в Синьцзяне, указывала, что эта активность очень беспокоит СССР. В статье ее обозревателя, опубликованной в марте 1933 г., среди прочего подчеркивалось: «Советский Союз весьма подозрительно относится ко всякой прямой или косвенной попытке английского правительства расширить свое влияние в этой пустынной стране, расположенной между британской и советской территориями. Положение осложняется еще тем обстоятельством, что по всем данным японцы, наступая из Маньчжурии, зарятся на горные богатства и сельскохозяйственные ресурсы этой изолированной страны в самом сердце Азии» [3, л. 54].

Расхожими терминами в западной печати в этот период были «японофильская северная группировка восставших» и «англофильская южная группировка». Кроме того, газеты указывали, что войска дунганского генерала Ма Чжуньина, которые принимали активное участие в боях на стороне восставших, также прошли подготовку под руководством

японских инструкторов. Редактор «Чайна Пресс» Холлингтон Тонг в статье о восстании синьцзянских мусульман отмечал, что «...после того, как войска Ма Чжуньина прошли под руководством японских инструкторов надлежащую подготовку, Ма начал наступление на Урумчи, ставя себе целью захват всего Синьцзяна» [3, л. 93].

Высказывались, разумеется, обвинения и в адрес Советского Союза, тем более что деятельность Коминтерна в деле организации революционных движений была общеизвестна. Так, консул Великобритании в Синьцзяне М. Томпсон в своем отчете за 1931 г. на имя министра иностранных дел Д. Саймона сообщал, что восстание мусульман «спровоцировано Советским Союзом» [4, р. 398]. Но в случае с синьцзянскими событиями эти обвинения были настолько несостоятельны, что не получили широкого распространения. Люди, сколько-нибудь серьезно занимавшиеся анализом рассматриваемых событий, не могли не понимать, что восстание синьцзянских мусульман шло вразрез с интересами советского государства в этой провинции.

Американский историк и политолог, человек, не понаслышке знавший ситуацию, автор многочисленных трудов, посвященных Китаю и проблемам его истории, Оуэн Латтимор весьма аргументированно отменил эти обвинения в своей работе «Место, где сходятся три империи». Касаясь этой темы, он писал: «Китайская торговля с Синьцзяном сделалась в последние годы чрезвычайно затруднительной, можно сказать, она почти уничтожена гражданской войной, бандитизмом и безответственным взысканием налогов полководцами, распоряжающимися на торговых путях. А ввиду невозможности сколько-нибудь значительного расширения торговых оборотов с Индией, из-за трудности караванных путей через горные перевалы, внешняя торговля Синьцзяна сделалась почти что русской монополией. Таким образом, у России не было никаких оснований рисковать деньгами и осложнениями, вызвав в Синьцзяне восстание только ради экспансии» [5, л. 87].

Другой американский историк, из-под пера которого вышли весьма интересные исследования, посвященные проблемам советско-китайских отношений, М. Белофф, также отмечал в своей работе «Внешняя политика Советского Союза 1929–1941 гг.», что какая-либо роль СССР в организации восстания проблематична, ибо восстание совпало по времени с подписанием весьма выгодного для советской стороны торгового договора с Синьцзяном [6, р. 232].

Между тем активное вмешательство в синьцзянские события зарубежных сил и все более четко обозначившийся у предводителей восстания под влиянием этих сил антисоветизм заставляли советскую сторону не только внимательно отслеживать события, но и прорабатывать мероприятия, которые могли бы

защитить в этих обстоятельствах интересы СССР в провинции. Естественно, что одной из мер, которая могла бы помочь удержать ситуацию под контролем, являлась поддержка провинциального правительства. Помощь синьцзянским властям была необходима хотя бы потому, что собственные военные возможности китайцев в провинции не давали оснований надеяться на их победу в борьбе с повстанцами.

В справке, подготовленной для правительства начальником IV Управления штаба РККА (разведуправление) Я.К. Берзиным, отмечалось, что «Китайские части численностью до 25 тысяч человек представляют собой необученную и недисциплинированную массу. Большой ее части до последнего времени не приходилось стрелять из оружия даже в порядке практической стрельбы.

Офицерский состав в огромном большинстве не имеет военного образования или имеет его в объеме синьцзянской военной школы. Другие части синьцзянской армии (киргизские, монгольские и др.) состоят из хорошей кавалерии и стрелков, имеют хороших лошадей, но ненадежны. Эти части, в случае развертывания движения, должны рассматриваться скорее как резерв повстанцев, чем как опора китайцев».

Завершает Я.К. Берзин свой анализ откровенным выводом: «Повстанцы могут рассчитывать на поддержку всего мусульманского населения провинции, составляющего свыше 90%, за исключением верхушечных элементов, связанных с китайцами. При данном соотношении сил китайцы могут рассчитывать только на свои деморализованные войска, на белых и нашу помощь» [7, л. 3].

Между тем события в Синьцзяне довольно скоро переросли рамки внутривосточных проблем провинции и стали реально влиять на ситуацию в приграничных районах советских среднеазиатских республик, где социально-политическое положение и так было весьма непростым. В этих районах все еще продолжалась, хоть и в меньшей степени, чем в 1920-е гг., борьба с басмачеством. Часть банд басмачей, ушедшая от ударов Красной армии на китайскую территорию, установила тесные контакты с повстанцами Синьцзяна и влилась в их ряды, сохраняя при этом связь с родственниками на советской территории.

Эмиссары басмаческих отрядов, которые постепенно стали играть значительную роль в синьцзянских событиях, часто появлялись в кишлаках своих родственников, агитируя их против советских властей и склоняя к эмиграции. Газета «Известия», центральный орган ЦК КПТ и ЦИК Совета Туркестанской республики, отмечая крайнюю сложность борьбы с басмачеством, задолго до рассматриваемых событий указывала: «Становится совершенно ясным, что только красноармейскими силами басмачество подавить нельзя. Борьба с басмачами может приве-

сти к желательным результатам лишь в том случае, если само население придет на помощь Красной армии, примет активное боевое участие в этой борьбе» [8, л. 5 об.]. Однако в начале 1930-х гг. агитация басмачей имела успех еще и потому что сниматься с мест и уходить на сопредельную сторону к соплеменникам людей побуждал активный процесс коллективизации, совершенно не учитывавший экономического уклада местных народов, их традиций, особенностей быта и вызывавший тем самым неприятие и активное сопротивление.

И в первом, и во втором случае бушевавшее в провинции восстание играло роль своеобразного стимулятора процесса, начавшегося вне связи с ним. Вместе с активной эмиграцией в среднеазиатских республиках, граничивших с Синьцзяном, начался стремительный рост контрабанды, бандитизма, угона колхозного скота и т. д. Эти явления стали массовыми и повсеместными.

В отчете Средне-Азиатского отделения главного таможенного управления «О деятельности с контрабандой за 1931 год» по этому поводу говорится: «Задержание контрабанды в 1931 году по всей Средней Азии, включая Казахстан, выразилось в сумме 5 355 988 рублей. Прошлый 1929–1930 гг. дал задержание контрабанды на сумму 2 393 454 рубля. Увеличение на 2 962 544 рубля, или 125%, падает главным образом на контрабанду вывозную (увеличение 2 675 833 рубля) и вызывается, в основном, эмиграцией, принявшей в отчетном году широкие размеры и несколько иную форму. Эмиграция захватила бедняцкие и середняцкие слои дехканства, и нередко случаи, когда стоящий во главе рода бай совместно с духовным главой — муллой увлекают за собой поголовно все население аула и кишлака. Становясь массовой, эмиграция значительно усложняет меры борьбы с ней» [9, л. 9].

Секретарь Алай-Гульчинского райкома партии Кировабадской области, с территории которого только с 5 по 10 июля 1932 г. ушло в Китай 187 хозяйств, в письме в Среднеазиатское бюро ВКП(б) попытался проанализировать истоки массовой эмиграции. В этом письме он, в частности, подчеркивал, что ее причины объясняются «...непосредственной связью с событиями в Китае (провинция Синьцзян)», откуда постоянно приезжают эмиссары и пересылаются письма, агитирующие население переезжать в Синьцзян. В письмах говорится, что «В Кашгаре власть взята киргизами и что киргиз-ферганцев в данное время мало и при таком количестве взять власть в руки ферганцев невозможно, а поэтому приезжайте скорее, и нас будет более, мы возьмем власть в свои руки, и тогда нам будет жить хорошо, будет много золота, скота и продуктов». Партийный руководитель района объясняет, что эмиссарство и агитация с помощью писем работает столь активно, потому что у населения района очень много

родственников в Кашгаре. В качестве доказательства он приводит пример с Уч-Тюбинским сельским советом, где «...из 325 хозяйств только 2 хозяйства не имеют родственных связей с Китаем» [10, л. 102].

В состав повстанческих войск входили, как уже отмечалось, многочисленные отряды басмачей, в том числе под руководством таких крупных деятелей басмаческого движения, как Джаныбек, Кушмат, Саты Волды и других [10, л. 59]. Кроме того, в Синьцзян собирались крупнейшие представители панисламистского и эмигрантского движения из среднеазиатских советских республик. Начальник иностранного отдела ОГПУ в Средней Азии Панов сообщал в связи с этим в Средазбюро ВКП(б), что в Кашгар нелегально выехал Муса Джурулла Беглиев — виднейший панисламист, живший в последнее время в Москве и Ленинграде. Кроме того, сюда же намереваются выехать проживающий в Кабуле «известный главарь ферганских басмачей Курширмат» и «руководитель узбекской эмиграции в Мешед Садретдин Хан» [10, л. 61].

В докладе председателя среднеазиатского ОГПУ Пиляра, подготовленном для секретаря среднеазиатского бюро ВКП(б) Баумана, вышеизложенная ситуация аккумулирована в следующем выводе: «а) Наличие в отрядах Усман Али, Джанибека Казы и Кушмата большого количества эмигрантов и басмачей, связанных с нашей территорией родственными и иными узами; б) Наличие заинтересованности англичан в создании на юге Синьцзяна мусульманского государства вне Китая; в) Нахождение на территории Кашгара до 60.000 киргизов, эмигрировавших из СССР за время по 1933 год; г) Ожидающийся приезд в Кашгар Мусы Бегиева, Садретдина Хана, Курширмата и других видных деятелей зарубежной эмиграции; д) Усилившаяся с нашей территории эмиграция в Кашгар и е) Продовольственные затруднения басмаческих отрядов, находящихся в Кашгаре, являются достаточными факторами, могущими привести в ближайшее время к активизации деятельности национальных контрреволюционных элементов и басмачества путем организации басмаческих налетов на нашу территорию со стороны Кашгара, а наличие связей эмиграции с нашей территорией усиливает эмиграционные настроения и создает базу для пополнения басмгруппировок, в случае перехода последних на нашу территорию» [10, л. 68].

Таким образом, решение проблемы, связанной с восстанием мусульманского населения Синьцзяна, означало для советского руководства и решение своих собственных очень важных внутривнутриполитических задач в прилегающем к этой провинции регионе.

Уже летом 1931 г. правительство Синьцзяна обратилось к Советскому Союзу с просьбой о продаже оружия, и прежде всего авиатехники. Просьба китайцев и явно позитивная реакция в правитель-

ственных кругах СССР при ее обсуждении вызвали в то же время резко негативную реакцию со стороны Коминтерна. В адрес политбюро ЦК ВКП(б) последним была подготовлена специальная записка, в которой приводились доводы в пользу отказа руководителям Синьцзяна в их просьбе. В записке указывалось, в частности, что ситуация, когда во главе движения мусульманских народов оказались феодалы, «отнюдь не изменяет его национально-освободительного характера», а наша вооруженная помощь реакционному милитаристскому правительству Синьцзяна не снимет с повестки дня его враждебного отношения к нам [10, л. 29–30]. В резюмирующей части довольно пространного документа говорилось: «Подавление национально-освободительного движения уйгур и пр. с помощью нашего оружия с последующим кровавым террором не может не нанести ущерб национально-освободительному движению в целом и способствовать еще большей консолидации контрреволюционных сил и расширению антисоветской базы в Синьцзяне. Поэтому мы полагаем нецелесообразным при этих условиях оказывать помощь синьцзянскому правительству в подавлении уйгурского восстания» [10, л. 30].

Однако позиция советского руководства к этому моменту обозначилась уже достаточно определенно, чтобы проводить четкую политическую линию в отношении синьцзянских событий. Революционная идея вынуждена была уступить место прагматизму. На заседании политбюро от 5 августа 1931 г. было утверждено решение: «Принять предложение НКВД о продаже двух самолетов» Синьцзяну. Самолеты были вскоре отправлены с двумя летчиками и двумя бортмеханиками в Китай [11, л. 140].

В первой половине 1932 г. Советский Союз осуществил правительству Синьцзяна новую поставку крупной партии оружия. Причем на заседании политбюро эта поставка была утверждена задним числом, т. е. уже после передачи оружия и даже получения части оплаты. 23 июня 1932 г. политбюро приняло по этому вопросу следующее решение: «Ввиду того, что продажа синьцзянскому правительству 8 самолетов, аэробомб, патронов, бензина, и прочего военного имущества, всего на сумму 200 705 американских долларов, уже состоялась, а также ввиду того, что синьцзянское правительство внесло в счет платежей золотом в слитках 2070 долларов (и кроме того, доставлено к границе для передачи нам золота в слитках на сумму 46 680 долларов), настоящую сделку утвердить» [11, л. 195].

В то же время был окончательно снят вопрос о какой-либо помощи повстанцам. Обратившимся в советское консульство в Кашгаре с просьбой о продаже оружия руководителям повстанцев Низаметдину и Нуразбаеву в этой просьбе было категорически отказано. Внесенное на рассмотрение Политбюро

секретарем Средазбюро ВКП(б) К.Я. Бауманом предложение об отправке в Синьцзян для работы в рядах восставших коммунистов-уйгур у членов бюро не нашло поддержки и не было принято. В отношении других предложений относительно работы с повстанца-

ми было вынесено короткое решение: «В остальном вопрос снять» [11, л. 10]. Тем самым как бы еще раз подчеркивалось, что советское руководство определило принципиальную позицию в своем отношении к событиям в Синьцзяне [12].

Библиографический список

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 495. — Оп. 154. — Д. 457.
2. РГАСПИ. — Ф. 514. — Оп. 1. — Д. 48.
3. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). — Ф. 2. — Оп. 18. — П. 40. — Д. 32.
4. British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part II. From the First to the Second World War. Series E. Asia, 1914–1939. — Vol. 20. — China, 1927–1931. — University Publications of America, 1994.
5. РГАСПИ. — Ф. 532. — Оп. 4. — Д. 327.
6. Beloff M. The Foreign Policy of Soviet Russia 1929–1941. Vol. I: 1929–1936. — L. ; N.Y. ; Toronto, 1968.
7. АВП РФ. — Ф. 8/08. — Оп. 16. — П. 162. — Д. 117.
8. РГАСПИ. — Ф. 71. — Оп. 34. — Д. 1530.
9. РГАСПИ. — Ф. 62. — Оп. 2. — Д. 2789.
10. РГАСПИ. — Ф. 62. — Оп. 2. — Д. 3037.
11. РГАСПИ. — Ф. 17 (Особая папка Политбюро). — Оп. 162. — Д. 11.
12. РГАСПИ. — Ф. 495. — Оп. 154. — Д. 12.